

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

УДК 398.1

Л. А. Юрчук

ПРЕДАНИЯ О РАЗБОЙНИКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПсковГУ)

В статье представлены результаты анализа общего состава преданий о разбойниках, записанных в период с 1991 по 2012 гг. в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета и сосредоточенных в фондах фольклорного архива университета. Установлен перечень традиционных для данного цикла мотивов, ведущими среди которых являются мотив пребывания (былого) данного персонажа или определенной общности в конкретной местности и мотив происхождения топонима. На материале псковских преданий исследуется типологический образ разбойника, возникший на почве мифологических представлений о мироустройстве. Особое внимание уделяется сочетанию реалистических и архаических элементов в структуре данного образа.

Ключевые слова: предание, предание о разбойниках, мотив, фольклорный текст

L. A. Yurchuk

THE LEGENDS ABOUT THE ROBBERS (BASED ON THE FOLKLORE ARCHIVE OF PSKOV STATE UNIVERSITY)

The article presents the results of the analysis of total composition of the legends about robbers, recorded in the period of 1991–2012 during the folklore expeditions of the Faculty of Philology of Pskov State University and taken from the funds collected in the university library. The author defines the list of traditional motifs typical of this cycle. Among the leading motifs there are the motif of «being» of the character or a particular community in a particular area and the motif of the toponym's origin. On the base of Pskov legends the typological image of a robber appeared on the ground of mythological ideas about the world structure is studied. Special attention is paid to the combination of realistic and archaic elements in the structure of this image.

Key words: legend, legend about the robbers, motif, folklore text.

Предания современная наука определяет как широко известные в народе устные эпические рассказы с установкой на достоверное объяснение фактов прошлой истории, названий географических объектов. Особый цикл преданий составляют рассказы о разбойниках, имевшие широкое хождение в народной среде и встречавшиеся повсеместно, что, конечно, не было случайностью. Разбойничество имело на Руси давнюю историю. Еще в «Повести временных лет» под 996 г. упоминается о действиях князя Владимира, направленных на искоренение разбоя [7, с. 87–88]. О раннем происхождении разбоя как социального явления свидетельствует и «Русская Правда» (XI в.). Во времена «Русской Правды» разбойников выдавали князю «на поток и разграбление». «Псковская судная грамота» (XV в.) также упоминает разбой как одно из наиболее опасных преступлений.

Несмотря на то, что в прошлом в народной среде такого рода рассказы обладали популярностью, число записей преданий о разбойниках, сосредоточенных в фондах фольклорного архива ПсковГУ, невелико. Это объясняется поздним характером записей архива, осуществлявшихся в тот период, когда разбой на Псковщине был давно забытым явлением.

В псковских преданиях разбой осмысливается как совершенно реальное действие, в связи с чем предания чаще всего представляют собой краткую информацию, не расцвеченную художественным вымыслом и не предполагающую сюжетного развертывания. Квалифицировать их как предания позволяет обычно наличие традиционных мотивов.

Мотив является ведущей структурной единицей предания как жанра. На основе «формализации мотивов» петрозаводским ученым Н. А. Криничной был выявлен 21 тип мотивов, каждый из которых создается совокупностью устойчивых и лабильных, архаических и поздних элементов. Пользуясь классификацией Н. А. Криничной, можно утверждать, что мотивы, формирующие структуру псковских преданий о разбойниках, относятся к типам Г — «Пребывание (былое) данного персонажа или определенной общности в конкретной местности», З — «Происхождение топонима», П — «Нападение антагониста (-ов)», Р — «Избавление от антагониста (-ов)», С — Борьба с антагонистом (-ами)», Т — «Победа над антагонистом (-ами)», У — Исчезновение данного персонажа или определенной общности в конкретной местности», Ф — «Оставление следов пребывания в конкретной местности» и Х — «Захоронение клада («зачарованного», реального)».

Тот же набор мотивов формирует псковский цикл преданий о заселении и освоении края (2), однако встречаются они в преданиях этого цикла в ином соотношении. Изначальными, сюжетообразующими в преданиях обоих циклов являются мотивы типов З и Г. Но если в преданиях о заселении и освоении края ведущие мотивы дополняются в первую очередь мотивами типов Е — «Основание селения» и Ф — «Оставление следов пребывания в конкретной местности», то в преданиях о разбойниках — мотивами типов П — «Нападение антагониста (-ов)» и Х — «Захоронение клада («зачарованного», реального)».

Мотив оставления кладов весьма типичен для преданий данного цикла. Нередко он является в них сюжетообразующим: помнят только, что разбойники оставили клады, о других же их «подвигах» не рассказывают. В качестве мест захоронения разбойничьих кладов называют Воровскую гору в Псковском районе, Разбойницкую гору в Пыталовском, Долгую гору в Печорском, пещеры на берегу реки Лочкиной в Гдовском районе, Воробы Лужины — местечко у деревни Холюны в Пустошкинском районе.

Существенное значение в сюжетосложении преданий о разбойниках имеет топонимический мотив. Местами дислокации псковских разбойников называют д. Пристань, расположенную у дороги, ведущей из Пскова на Палкино, в которой разбойники якобы устроили свое пристанище¹; Чертов мост по дороге, соединяющей дд. Череха и Соловьи Псковского района; Грабилину гору в версте от д. Рубилово Островского района; Цапельский бор в Стругокрасненском районе. Память о разбойниках сохраняется в таких псковских топонимах, как Воровская гора, Разбойницкая гора, Воробы лужины, Воров ключ, Бабы кости, остров Любви, Каретное озеро, Щучья Гора, Страшницы. В преданиях буквально рассыпаны реалии, из сово-

купности которых выясняется локализация действий разбойников: в первую очередь это торговые пути. Иногда в качестве пристанища разбойников называют деревни, жители которых некогда занимались грабежом. Таково, например, предание о жителях д. Ковалевка Себежского района². Разбойниками в этом предании оказывается практически все население деревни, расположенной вдоль железнодорожного пути.

Как свойственно жанру преданий в целом, псковские предания о разбойниках отражают «местную» историю. В них обычно не упоминается о каких-либо важных исторических событиях, их героями являются жители ближайших окрестностей. Однако, как и предания любых других циклов, будучи сосредоточенными на локальных явлениях, они имеют исторический характер, поскольку отображают важные социальные аспекты действительности.

Как отражение одного из аспектов жизни общества в определенную эпоху в них возникает типологический образ разбойника, обладающий устойчивыми чертами. Наличие некоторых различий в трактовке этого образа отдельными рассказчиками обусловлено тем фактом, что предания данного цикла, возникшие на почве мифологических представлений, вобрали в себя напластования разных эпох, в связи с чем в них получило отражение различное отношение к разбою.

Согласно наблюдениям Н. А. Криничной, «образ разбойников [...] вырастает из знакомого нам по мифам персонажа — антагониста, противостоящего мифическому же предку-родоначальнику» [3, с. 11], поэтому наряду с реалистическими элементами в структуре ранних преданий о разбойниках встречаются и мифологические, и мифолого-эпические, и эпические признаки, выработанные традицией применительно к образу антагониста. Так, в ранних преданиях разбойник, в особенности атаман, оказывается не лишенным «реликтовых зооморфных признаков, воплощая в себе социальные явления и природные стихии», обладает магическими способностями (знанием магических слов и заговоров, умением перевоплотиться при приближении опасности) [4, с. 22].

Псковский материал рудиментарных мифологических признаков в образе разбойника не обнаруживает. Их отголоском, видимо, следует считать отмеченную Н. А. Криничной в качестве характерной для ранних преданий черту: атаман разбойничьей шайки, как правило, является «воплощением множественности, которая либо полностью вуалируется, либо в какой-то мере вырисовывается в качестве фона для основного персонажа» [4, с. 22]. Среди псковских преданий разбойничьего цикла встречаются рассказы об одном персонаже, не имеющем никакого окружения: таково, например, предание о разбойнике по кличке Щука, записанное в Псковском районе:

«[...] по преданию, здесь, в этой местности, жил разбойник по кличке Щука. Вот он здесь свои жертвы собирал, а вот на горе на этой, которая называлась как это... Воровская гора, вот он там расправлялся со своими жертвами, там он где-то жил и там, по преданию, закапывал свои награбленные богатства. Сейчас эта гора была до половины разрушена на дорогу, на карьер, ну а со временем, когда... А поймали его, так говорили наши родители и деды, что его долго было не поймать, этого разбойника властям, а поймал его простой мужик. Шёл этот мужик в город, в Псков. И где-то там, мол, недалеко от этой Воровской горы сел отдохнуть и перекусить. И вот к нему вышел этот разбойник, и мужик предложил ему, что «давай со мной разделим трапезу». У мужика был нож, ну, он ножом резал мясо и хлеб. И от он... а разбойник-то взял этот... ну, хлеба взял, а мясо наколол на нож — и в рот. И этот

мужик по ножу-то ударил и заколол этого разбойника. Вот, а когда не стало этого разбойника, деревню эту, раз так недалеко в то время это Евахново-то не было, оно потом уже появилось. Из деревни Дубонович вышли сюда, как на хутор, три брата. А тогда тут не было населённого пункта, только наша эта деревня. И называли её Щучьей Горой. Вот по имени разбойника этого, которого вот тут этот местный мужик его и убил. Вот такая история»³.

В других случаях речь идет о разбойничьей банде, возглавляемой одним лицом, на котором и сосредоточено внимание исполнителя: в Гдовском районе известны предания об атамане Авдоше (рассказчики именуют его Дашковым, Явдохом), в Палкинском районе — об атамане Дубровском, в Псковском — о Зое, возглавлявшей разбойничью банду после революции. Однако ни один из этих героев не наделен в записях фольклорного архива выдающимися качествами, которые были бы обусловлены персонификацией определенной общности: древнейший пласт народных представлений о разбойниках эти предания не сохранили.

По мере демифологизации образов разбой повсеместно, в том числе и на Псковщине, стал осмысляться как реальное действие и оцениваться отрицательно. Именно эта стадия восприятия разбоя и зафиксирована записями фольклорного архива: негативная оценка разбоя угадывается в именовании разбойников «мазуриками», в интонационном оформлении рассказа: «вот сидели всё такие, всё грабили народ», «Вот забирают этих женщин, там что они творили и убивали»⁴. Прямые и косвенные оценки героев для преданий довольно характерны.

В период позднего феодализма, когда разбойничество стало восприниматься как наиболее яркая форма социального протеста, в русских землях получили распространение предания о «благородном» разбойнике-борце за свободу и права народа, который грабил богатых и отдавал деньги нуждающимся. Чрезвычайно популярные на Урале, в Сибири [8, с. 144–153], известные Центральной России, такие рассказы были зафиксированы собирателями и на Псковщине [6, с. 18–20]. Однако в материалах фольклорного архива ПсковГУ предания о «благородном» разбойнике не встречаются, и хотя в роли жертв псковских разбойников рассказчики называют чаще всего богатых людей («барин», «богатая барышня», «цари», «помещики», «графиня», «купцы»), политической подоплеки такие указания не имеют, и такой характерный для разбойничьего цикла мотив, как появление разбойников вследствие социальной несправедливости, в местных преданиях практически не разрабатывается. Исключение составляет рассказ лишь о разбойнике Дубровском, имеющий, однако, литературное происхождение:

«Это бывало, дедушка — так вот тот тоже рассказывал... про этого... про Дубровского-то вот. А Дубровский... Бывший Качановский район, сейчас Палкинский район. И есть и деревня — Дубровка — поместье Дубровского-отца. А он в основном-то, сам-то Дубровский жил во Франции. По-моему, во Франции. Не в Германии, а во Франции. Ну, и приехал кой-когда сюда, к отцу в Дубровку-то. Отца, вот Дубровского, очень все любили крестьяне там.

А вот в самом Качанове жил такой Троякуров, помещик. У него была псарня большая... Но это на самом деле всё и было! И у него была вот эта дочка Маша. И вот Дубровский-то с ней познакомился. А Троякуров считал, что он выше Дубровского. А что тот, то другой — они помещики: у них поместья были в одного и в другого. Только в одного в Качанове (тогда не Качаново называлось, а Пятровское). А в этого вот Дубровка.

И этот Троекуров потом так обделал этого... что Дубровского этого разорил, отца-то. И когда Машу Троекуров выдавал замуж, Дубровский явился. Явился и хотел забрать Машу, но он не разрешил. Дубровский тогда приехал в... И после этого, якобы, всё это поместье пошло к Троякурову. И все вот эти крестьяне (раньше барщина, ещё на барщине были которые), они с Дубровским пошли в лес. Вот там лес большой в Качанове-то был! И они сделались разбойниками.

И вот с дедушкиной деревни один тоже был в Дубровского рабочим, работником там. Потом их вот этих всех арестовали [...]»⁵.

Обычно же псковские рассказчики не задаются вопросом о происхождении разбоя. Отмечается лишь, что возникали разбойничьи банды в беспокойные, смутные времена: «[...] тогда без власти. Это после революции, что тут... Где-то власть не установилась, где-то начиналась только...»⁶.

В отличие от «благородных» разбойников собственно разбойники способны напасть на социально обездоленных. Их действия в псковских преданиях сводятся к расправе, истязанию, убийству, насилию, ограблению, а их образы лишены всякой идеализации. Поэтому и расправу над ними в народных рассказах вершат не только власти («офицерские войска», «царские войска»⁷), но и простой мужик, как в приведенном выше предании о разбойнике по кличке Щука. Помимо прочего, предание о Щуке примечательно использованием характерного для бытовой сказки мотива победы над противником с помощью находчивости. Заимствование традиционных мотивов сказок и легенд было отмечено в науке как черта, свойственная преданиям о разбойниках в целом.

В соответствии с общерусской традицией в Псковском крае существовали циклы преданий, героями которых были отдельные лица. В. К. Соколова выделила три части, составляющие типологическую биографию разбойника преданий: «I — почему герой стал разбойником; II — описание действий разбойника; III — гибель его» [8, с. 152]. При этом ученый отмечает, что очень редко такая биография дается во всех основных звеньях. Чаще это отдельные эпизоды, включающие «подвиги» и гибель [8, с. 172].

Представленные в различных источниках записи дают основание предполагать, что один из таких циклов на Псковщине составляли широко бытовавшие предания об атамане Авдоше, в совокупности дававшие биографию героя в ее наиболее существенных моментах. В книге И. Ларионова «Легенда озера Чудского, преданья псковской старины» (Псков, 1959), в повести Ю. Грибова «Сороковой бор» (М., 1975) разбойник Авдоша встает в один ряд с благородными защитниками бедных, русскими Робин Гудами. Однако в имеющихся в нашем распоряжении записях Авдоша не обладает чертами «благородного» разбойника.

О действиях атамана Авдоши упоминают три записанных фольклорными экспедициями предания, одно из которых весьма примечательно, поскольку включает в себя ряд традиционных для преданий о разбойниках мотивов:

«До 1906 года здесь никакого поселения не было, здесь чисто был так называемый Сороковой полос. Это сплошные леса, болота, ручьи. Вот здесь протекает, вы его проходили, он так и называется, Чёртов руч. Ну, здесь медведи были, всякая живность была. А в 1914 году начали строить здесь железную дорогу из Петербурга на Псков. Тогда еще железной дороги не было, а ездили... ну, тракт, сельский тракт... Когда вы поедете, вы узнаете, там перед этим есть Каретное озеро... перед Серёдкой.

Но это легенда здесь ходит, что здесь ехала какая-то богатая барышня, здесь была куча разбойников, и вот разбойники эту барыню ограбили, а карету спустили в это озеро. Оно такое глубокое там, берега высокие. Ну, а здесь действовал атаман Явдох так называемый... Прозвище там или что, но это здесь действовал атаман, мазорик такой... Ну вот, и ему было долго не попасть к царским войскам, долго было не поймать его. Ну вот, значит, пошли на хитрость: у него была любовница в деревне за рекой. Вот они договорились с любовницей, что она выдаст его. Она, верно, выдала его, и вот пришли войска и его схватили, офицерские войска еще... до революции. Вот он говорил, что «если вы меня отпустите, я укажу, где у меня лежат все богатства, золото все награбленное». И вот его все же не отпустили, заковали в наручники и осудили его»⁸.

Мотив длительного преследования разбойника чрезвычайно характерен для преданий данного цикла. Его использование подчеркивает ловкость и смекалку героя. В науке отмечено, что такое преследование нередко включает в себя элемент чудесного, проявляя генетическую связь центрального персонажа с мифологическими героями, однако фольклорный архив ПсковГУ преданий, повествующих о спасении разбойника от преследователей магическим путем, не содержит.

Традиционным для преданий разбойничьего цикла является и мотив выдачи разбойника преследователям женой или любовницей⁹, типичный также для преданий о силачах. Н. А. Криничной справедливо отмечено, что этот мотив имеет чрезвычайно древнее происхождение: его основные элементы просматриваются еще в библейских сказаниях [5, с. 184]. В целом же трагический конец для разбойника обязателен («обнаружили и обезвредили», «потом их вот этих всех арестовали»¹⁰), поскольку большинство прототипов героев преданий были казнены или отправлены на каторгу.

Устойчиво привязан в псковских преданиях к имени атамана Авдоши мотив утопления кареты [6, с. 19–20], в целом характерный для преданий о кладах [8, с. 203]. В Гдовском районе предание об утоплении кареты в озере, получившем вследствие этого название Каретного, записано от нескольких исполнителей¹¹. Включающее в себя разные мотивационные версии, оно свидетельствует о движении по пути забвения подлинного события-прецедента: в 2006 г. была записана версия того же предания, по которой карета с купцом и драгоценностями ушла на дно озера по неосторожности ямщика¹².

В приведенном выше тексте предания об атамане Авдоше биография героя дана обзорно. Недостающие в ней звенья отчасти восполняют рассказы других исполнителей, связывающие с деятельностью атамана сразу несколько мест в Гдовском крае: жил атаман на *острове Любви* («говорят, что вот этот остров любил атаман, так и называли его»), на реке Черной под мостом он с товарищами выжидал свои жертвы, в деревне Елизарово разбойники «грабили народ», в местечке под названием *Бабьи кости* истязали и убивали проезжавших мимо женщин и богатых людей¹³. Все эти географические объекты сконцентрированы на территории так называемого Сорокового бора — пустынного и безлюдного леса с протянувшейся через него большой дорогой — места, которое было привлекательно для лихих людей. В «Кратких историко-статистических сведениях о церквях и приходах Гдовского уезда», составленных в 1865 г. крестьянином Ефимом Андреевым, говорится, что вся эта местность «представляет страшную пустыню, мало заселенную народом», что «в прежнее время здесь водворялись шайки разбойников, имевших свои землянки около берегов Черной речки. Воспоминания об них наводят и теперь еще ужас» [1].

Таким образом, отдельный цикл псковских преданий, сосредоточенных в фондах фольклорного архива ПсковГУ, составляют предания о разбойниках. Представляющие собой поздние записи, они не сохранили в своей структуре архаического пласта устной народной традиции: разбой, как правило, изображается в них как реальное действие и получает отрицательную оценку. Отголоском рудиментарных представлений о разбойнике можно считать лишь вуалирование окружения разбойника: в ряде псковских преданий один персонаж замещает собой целую общность. Свидетельством существования на Псковщине циклов преданий, посвященных отдельным личностям, являются предания об атамане Авдоше, в которых воспроизводится типологическая биография разбойника русских преданий.

Литература

1. Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда. Из записок крестьянина Ефима Андреева // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. X. СПб., 1885.
2. О псковском цикле преданий о заселении и освоении края см. подробнее в нашей статье: Казакова Л.А. Предания о заселении и освоении края // Вестник Псковского государственного университета. 2014. Вып. 4. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». С. 38–44.
3. Криничная Н. А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ ст. и примеч. Н. А. Криничной. М., 1989.
4. Криничная Н. А. Предания Русского Севера: реальность и традиции // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991.
5. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
6. Ларионов И. Легенда озера Чудского, преданья псковской старины. Псков, 1959.
7. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб.: ВИТА НОВА, 2012.
8. Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.
9. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/ya/index.htm>.

Приложения

- ¹ Зап. от Алексеевой В. М., 1933 г. р., в д. Большая Гоголевка Тямшанской вол. Пск. р-на Пск. обл. Салкина П., Ивахненко Н. // ФА ПсковГУ за 2008 г., Т. 6/1367, № 25, кассета ПСК 2008–16.
- ² Зап. от Филимонова С. Ф., 1929 г. р., в п. Идрица МО «Идрица» Себ. р-на Пск. обл. Казакова (Юрчук) Л. А., Ловыгина У. И., Бондарева А. И. // ФА ПсковГУ за 2011 г., Т. 1, № 199, диск СЕБ 2011-1-45.
- ³ Зап. от Васильевой У. М., 1923 г. р., в д. Щучья Гора Большезагорской вол. Пск. р-на Пск. обл. Устинова Е. Н., Наумова О. В., Михайлова Л. В. // ФА ПсковГУ за 1992 г., Т. 2/1234, № 70, кассета ПСК 1992–21.
- ⁴ Зап. от Моисеевой З. Н., 1928 г. р., Моисеевой М. А., 1911 г. р., в д. Глушь Полновской вол. Гд. р-на Пск. обл. Алексеева Е. А., Верлока В. В., Тимофеева Н. Б. // ФА ПсковГУ за 1991 г., Т. 3/148, № 45, 46, 48, 49, 54, 55, 56, кассета ГД 1991–6.
- ⁵ Зап. от Васильевой Н. А., 1921 г. р., в г. Пскове (родилась и жила в д. Кононово Грибулёвского с/с Палк. р-на) Васильев С. В. // ФА ПсковГУ за 2002 г., Т. 9/931, л. 1–2, кассета ПАЛК 2002–1.
- ⁶ Зап. от Филимонова С. Ф., 1929 г. р., в п. Идрица МО «Идрица» Себ. р-на Пск. обл. Казакова (Юрчук) Л. А., Ловыгина У. И., Бондарева А. И. // ФА ПсковГУ за 2011 г., Т. 1, № 199, диск СЕБ 2011-1-45.
- ⁷ Зап. от Вересова М. И., 1922 г. р., в д. Ямм Полновской вол. Гд. р-на Пск. обл. Федорова И., Кузнецова Е. // ФА ПсковГУ за 2004 г., Т. 2/145, л. 118–119 об.

- ⁸ Зап. от Вересова М. И., 1922 г. р., в д. Ямм Полновской вол. Гд. р-на Пск. обл. Федорова И., Кузнецова Е. // ФА ПсковГУ за 2004 г., Т. 2/145, л. 118–119 об.
- ⁹ Соколова В. К. Указ. соч. С. 286.
- ¹⁰ Зап. от Антонова А. Г., 1926 г. р., в д. Стремутка Ядровской вол. Пск. р-на Пск. обл. Емельянова Д. В., Остапец Н. А. // ФА ПсковГУ за 2008 г., Т. 5/1369, № 38.1, 38.2, кассета ПСК 2008–14; зап. от Васильевой Н. А., 1921 г. р., в г. Пскове (родилась и жила в д. Кононово Грибулёвского с/с Палк. р-на) Васильев С. В. // ФА ПсковГУ за 2002 г., Т. 9/931, л. 1–2, кассета ПАЛК 2002–1.
- ¹¹ См., напр.: Зап. от Моисеевой З. Н., 1928 г. р., Моисеевой М. А., 1911 г. р., в д. Глушь Полновской вол. Гд. р-на Пск. обл. Алексеева Е. А., Верлока В. В., Тимофеева Н. Б. // ФА ПсковГУ за 1991 г., Т. 3/148, № 45, 46, 48, 49, 54, 55, 56, кассета ГД 1991–6.
- ¹² Зап. от Платонова Г. П., 1956 г. р., в д. Сельцо Серёдкинской вол. Пск. р-на Пск. обл. Платонова И. Г. // ФА ПсковГУ за 2006 г., Т. 1/1350, л. 45–46, кассета ПСК 2006–1.
- ¹³ Зап. от Моисеевой З. Н., 1928 г. р., Моисеевой М. А., 1911 г. р., в д. Глушь Полновской вол. Гд. р-на Пск. обл. Алексеева Е. А., Верлока В. В., Тимофеева Н. Б. // ФА ПсковГУ за 1991 г., Т. 3/148, № 45, 46, 48, 49, 54, 55, 56, кассета ГД 1991–6.